

1996 №7

ВРЕМЯ ОТ ВЕТРА

"Жить почти нигде. Это "почти", вероятно, заключено во времени. Во времени можно жить, но не в Пространстве. Вот здесь сейчас можно жить. Забыть о том, что завтра все может быть по-другому. Забыть об обстоятельствах места, учитывать только обстоятельства времени" (из интервью Саши Соколова журналу "Юность").

Возможно говорить о конкретном тексте языком этого же текста и не объяснять очевидные вещи, а продолжать их, хотя бы в своем понимании. "Школа для дураков" Саши Соколова - текст, к которому можно написать комментарий, в несколько раз больший по объему, и все же сказать меньше, чем автор.

Как "тонкие, слабые, почти незаметные тропинки" вели от самых дальних дач к пристанционному пруду, так тропинки слов и вымыслов ведут от ветра до времени и обратно, опираясь то на железнодорожную ветку, то на велосипед почтальона Михеева. К пруду, к этому остановившемуся времени вели все тропинки дачного поселка, как спицы колеса к его середине. Там, где время, пытаясь оправдать обыденное представление о себе, течет, идет, стремится - куда? - нам неизвестно, - оно может выделить "есть" и "было", а затем унести их, предложить взамен восприятия - память, разъединить на кусочки целое и невесомое - думание. На пруду (пристанционном) время есть - и это все, что можно сказать о нем, оно - ни вчера, ни завтра, оно есть сейчас, оставшееся нам и давшее нам возможность говорить о себе и других, не торопясь и не торопя события (они все здесь с нами, случившиеся только что у нас на глазах или только в наших глазах), о людях, приходящих в момент разговора о них. Расстояние от события до события измеряется не по линии, оно подобно колесу велосипеда Михеева, а время - спицам, и сливается в одну блестящую пластинку. Он вкатывается в гору и тяжело останавливает распадение времени на острые сходящиеся лучи - к той точке, откуда появляется - Насылающий Ветер. Он приходит, когда приходит время. И если на закате дня умирают укушенные змеи, то этой змее могло оказаться само время, а река - только водой, повторяющей изгибы змеи или ленты Мебиуса, по которой возвращаешься назад в то, что было до, или во время того после. "Видишь ли, у нас вообще что-то не так со временем, мы неверно понимаем время".

И уже непонятно, кто кого придумал, кто у кого на уме, когда "пристанционные часы показывали два часа 15 минут" - то ли кто-то насылает ветер, то ли ветер у нас в голове, то ли мы думаем о ветре, или, может быть, ветер думает о нас, когда решает возникнуть в дачном поселке на радость сиреневой ветке и учителю Норвегову. А может быть, само время разошлось как раз из той середины, где разместились ветер, и это он перемешал застоявшуюся дачную жизнь, спутал спряжение глаголов, заставил будущее поделиться с настоящим, а прошлого никогда не было, и все оказалось только от ветра и ждущего его Норвегова. Недаром его время определяет флюгер, а не газеты, недаром он - ветрогон - лучший географ пятой пригородной зоны.

Вот ветер и уносит его туда, где можно "жить на полной велосипедной скорости", а иногда приносит назад через Лету к тем, кто ощущает его не как память, а как возможность потрогать пальцами ветер и узнать, не повернулся ли флюгер, не возникло ли иное время. "Ибо чего убоюсь перед лицом вечности, если сегодня ветер шевелит мои волосы, освежает лицо, задувает за ворот рубашки, продувает карманы и рвет пуговицы пиджака, а завтра ломает ненужные ветхие постройки, вырывает дубы, дозвуждает и вздувает водоемы и разносит семена моего сада по всему свету, - убоюсь ли чего я, географ Павел Норвегов".

Соколов реализует идею флюгера как указателя движения времени. Время может идти к любой точке окружности, где в координатах 360 выбирается вектор, совпадающий с направлением ветра. Завтра ветер переменится, и время может последовать за ним, а может проложить свое неожиданное направление, выйдя за пределы трехмерности.

И время от ветра, дождавшись своего часа, разворачивается из велосипедной скорости, из флюгера, а может быть, из вращения глобуса, когда сквозняк, этот мелкий тихоня, станет ураганом - придет Насылающий Ветер.

Это снег и дождь делятся на всех поровну, а ветер выбирает себе сам - ветряную мельницу, велосипед, бороду Михеева, лучшего ветрогона, и свое собственное время, когда и где - может знать только Насылающий Ветер.

Людям только кажется, что они могут судить о времени, могут узнавать его - нет, не видели они лица его, не знают его имени, не чувствуют той пустоты, когда дни не приходят сразу, а задерживаются по своим делам.

В "Школе для дураков" нет памяти как таковой. Разве может быть памятью то, что случилось только что, что еще только случается, происходит у нас на глазах. Это нельзя назвать и памятью будущего, ибо это будущее тоже свершается в это же самое время.

Либо памятью становится все, окружающее героя, где, потянув за одну нитку, можно вытянуть все, что угодно. И если герой замкнут только в этой памяти, то в этом и его спасение. И это потеря не для героя, а для мира. Герой ни от чего не зависит, и уж менее всего - от каких-то жизненных обстоятельств. "У нас-то ничего подобного нет - ни времени, ни сада, ни дома". "Но лучше уйдем от них, уедем на первой же электричке, я не желаю слышать их голоса."

Но у героя нет власти над временем, да она ему и не нужна, время не мешает ему, они просто совпадают друг с другом, он в нем живет - мучительной, раздвоенной жизнью, но другой у него не будет, как не будет и другого времени, как почти нет и пространства. Пространство - либо дачный поселок возле железной дороги, либо картонный глобус, который подбрасывает Норвегов.

Это реальное пространство перемещается в пространство мифическое, но оба они существуют в мифическом времени. Мифическое пространство существует в реальном, и наоборот - река, которая называется, становится Летой; пространство учебника, где велосипедисты А и Б вечно едут навстречу друг другу, превращается в проселочную дорогу почтальона Михеева; железная дорога переходит в ветку акации; мифический меловой город в виде надписей перевозят на себе поезда, идущие через дачный поселок; и далекая Япония постепенно перемещается на российский полуостров. Даже снег, имеющий свойство идти в пространстве, перестает быть неодушевленным явлением и укладывается в коллекцию зимних бабочек героя.

Соколов творит миф о словах, в словах и для слов. Слово, сказанное однажды, само разворачивается в текст, содержащий ряд смыслов. Так ласковая птица по имени Найтингейл оказывается то соловьем, то сильным ночным ветром (night - ночь, gale - шторм), то болотным растением (gale - это также свечная ягода). Слово творится у нас на глазах, обретает выпуклость и становится центром, к которому примыкают все новые значения. "...трамвай аи вечер добрый билеты би леты чего нет Леты реки Леты ее нету вам аи цвета ц Вета ц Альфа Вета Гамма и так далее..."

Слова потом уходят - туда, откуда они пришли - из памяти в память, отвлекаясь на ветер в ветках и железнодорожный стук. И дело тут не в словах, не в игре, не в потоке событий. События не происходят, не меняются, они находятся - все - в данный момент, который и был когда-то, и будет еще - все они здесь и сейчас, мы - над ними, мы - вне и внутри них одновременно, мы - участники, свидетели, рассказчики, проверяющие на реальность слова и события, а они рассыпаются у нас под руками и складываются снова - уже как хотят они. Они живут в нас и вне нас, они спешат, отталкивая друг друга, и спокойно ждут своей очереди, и перерастают себя, и прорастают друг в друга. Они важны только здесь, вне времени, не нуждаясь в определениях и знаках препинания, где точка - всего лишь стык железных рельсов на пути от одного слова до другой станции, и, отбросив запятое - промежутки стали стрелками, переводящими слово на другую ветку, спящую в весеннем саду. "...как твое имя меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги я Вета беременная от ласковой птицы по имени Найтингейл". Так входит ветер, шурша о плечи, чужие шляпы, поднимая волны со дна, путаясь в траве омутов.

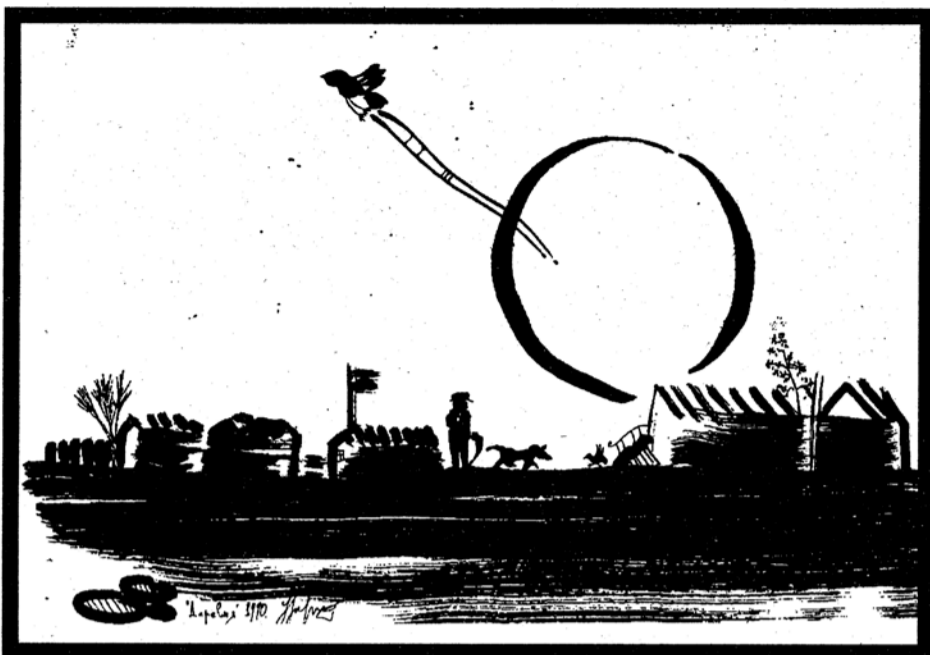
Пробуждение от слов, разрываясь от я к мы - думайте о нас, и мы будем здесь, как сломанная ветка - почему акации, а не вишни, добавляя новое "в" - вхождение в круг вещей, принявших на себя ветер. Что есть незаметнее, неприметнее, незвучнее той пристанционной акации, возле пруда, где ветер, где летящие по ветру желтые ветки. Что есть тяжелее вишен, притягиваемых землей, благородно стремящихся на белое - воротнички, салфетки, тарелки. Она - лишь Вета, ветка акации, не принявшая груз вишен, клонящих к земле, а лишь цвет, пробуждение, отдающая на ветер желтые лепестки. Правильнее будет идти от испуга - что может сказать ветру испугавшийся его или сопротивляющийся. Он только ударяет в спину бабочек - тех же лепестков акаций - им есть что рассказать ветру о ветре.

Если ты ветер - дай побыть в твоей середине, в самой середине маленького крутящегося вихря, выбирающегося на дорогу пылью и забивающегося в колодцы дворов, ветра, висящего в кольцах березовых веток, и ветка, приводящая к рельсам, никогда не вспомнит вагона того поезда, который увезет ее от терпеливого почтальона, заснувшего ветер в карман.

И говорящий о себе человек выходит на первой же остановке на деревенскую дорогу и отправляется ловить ветер, обходя озеро, кусты и дремлющего велосипедиста. И ветер не хочет сказать ему - "остань", он бежит рядом и свистит в ореховую трубочку или вытягивает траву и колосья за макушки к горизонту.

И память молока заставила себя присниться однажды летом. И если ты

ЭССЕ "ЦИРКА" ОАИИИ

всего лишь в слезах - то это рассказ от ветра, забирающего окончания слов, и глухой от молчания веток - я ветка, я Вета, я птица. Что происходит от ветки, ответа ветра на восторги вечных - лишь стальной протест рельсов, да мелькание спиц в колесе почтальона, везущего ответ, с ветки на ветку перебирающуюся весточку от веты.

Это ветка, ветка плавает в ветре, и лишь добавлением принимает сама решение, и останавливается напротив того дома, где живет - примерно так и закончилось путешествие.

Нет времени, предназначенного для, есть единое время, где события вытаскиваются, как только они оказываются нужны - как только их позовут.

Время, сгустившееся в точку, или распространившееся на все пространство, заполнившее все собой, существует таким не для всех, а только для выбравших свободу: "...но я, выбравший свободу, одну из ее форм, я волен поступать как хочу и являться кем угодно вместе и порознь..."

Время становится действующим лицом, оно волюно в своих поступках, в выборе для себя объекта действия и действительности. Оно идет туда, где его не ждут, и действует так, как считает нужным. Оно может стоять на месте, развивая пристанционный прудом, идти вперед и, будто одумавшись, возвращаться, возвращая Павла, Нимфею в настоящее будущее время, может возвращаться в ветряном колесе или кружить по кольцевой ветке, чьи поезда уничтожают и движение, и время.

В этом мире условности просто отбрасываются как не имеющие значения ("река называлась", "станция называлась", у героя нет имени), а значимыми становятся такие вещи или сущности, которые невозможно выучить - шум дождя, аромат матиолы, предчувствие небытия..."

И золоченый маятник школы, режущий время Ючи на куски - в сговоре с Тинберген-Трахтенберг - он отмеряет каждому только его время - равные куски, безликие и равнодушные, одинаковые всем - на то она и школа для дураков.

Продвигаясь по ветке - по железнодорожной ветке, по ветке акации, хватая руками ветер, мы уходим вслед за Насылающим Ветером - изменять маршруты названий. "...и я докажу всем на свете, что во времени ничто находится в прошлом и будущем и ничего не имеет от настоящего, и в природе сближает с невозможным, отчего, по сказанному, не имеет существования, поскольку там, где было бы ничто, должна была бы явиться пустота, но тем не менее... при помощи мельниц произведу я ветер в любое время."

ГАЛИНА ЕРМОШИНА

